

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СТАНОВЛЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Турсунова Р.Ю., Ташкент (Узбекистан)

Аннотация. Происходившие в конце XX в. события на постсоветском пространстве сопровождались снижением качества жизни, социальной напряженностью и кризисом национального самосознания. До распада СССР национальная идентичность каждой из республик Центральной Азии была четко обозначена и осознана ее населением. Все постсоветские республики вступили в XXI век с собственными представлениями о национальной идее. В этой связи необходимо говорить не о «возрождении», а скорее о преемственности национального строительства, которая наблюдается в историческом аспекте. Народы Центральной Азии объединяют общая история и культура, которые оказали значительное влияние на развитие мировой цивилизации. Все это определило актуальность и выбор темы данного исследования, посвященного изучению национального самосознания и духовно-исторического наследия в становлении внешнеполитической идентификации пяти государств Центральной Азии.

Ключевые слова: духовность, культура, Центральная Азия, реформы, регион

NATIONAL IDENTITY AND SPIRITUAL AND HISTORICAL HERITAGE IN THE FOREIGN POLICY IDENTIFICATION OF THE CENTRAL ASIA STATES

Tursunova R. Yu., Tashkent (Uzbekistan)

Abstract. At the end of the twentieth century events in the post-Soviet space were accompanied by a decrease in the quality of life, social tension and a crisis of national identity. Before the collapse of the USSR, the national identity of each of the Central Asian republics was clearly defined and understood by its population. All post-Soviet republics entered the 21st century with their own ideas about the national idea. In this regard, it is necessary to talk not about “revival”, but rather about the continuity of nation-building, which is observed in the historical aspect. The peoples of Central Asia are united by a common history and culture, which have had a significant impact on the development of world civilization. All this determined the relevance and choice of topic for this study, dedicated to the study of national identity and spiritual and historical heritage in the formation of foreign policy identification of the five Central Asian states.

Keywords: spirituality, culture, Central Asia, reforms, region

Духовное развитие общества – многогранный феномен, который изменяется наряду с экономической, политической и социальной сферами жизнедеятельности человечества.

По мнению многих исследователей, духовность охватывает одну из уникальных сфер жизнедеятельности человеческого общества, называемую духовной культурой. Уровень развития духовной культуры любой страны измеряется количеством создаваемых духовных ценностей, масштабом их распространения и глубиной освоения их людьми [6, с. 44].

Процессы реформирования, охватившие страны Центральной Азии, во многом вызваны геополитическими сдвигами, произошедшими в конце прошлого века во всех новообразовавшихся государствах, их этносоциумах. Политико-экономические преобразования переходного периода оказались столь сложными и противоречивыми, что в ходе своей реализации сопровождалась ростом социальной и политической конфликтности, которая могла бы привести к серьезным последствиям, но в современной картине политического континуума не последнюю роль стала играть философия духовной жизни, востребованная различными слоями населения и реагирующая на качественные изменения, происходящие в обществе, а потребность в духовном обновлении стала особенностью современных политических процессов в исследуемом регионе.

Можно выделить следующие группы факторов, которые, по нашему мнению, оказывают существенное влияние на политическую, и общественную сферы жизни стран Центральной Азии:

географическая общность стран региона,

историко-культурное прошлое стран региона

Географическая общность стран региона была определена в начале 90-х годов XX в. по территориальным границам бывших союзных республик. В регионе образовалось пять независимых государств – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Прежде эти республики объединялись в понятие «Средняя Азия и Казахстан». Почему Казахстан не попал в число среднеазиатских республик? Вероятно, причиной была территориальная «протяженность» Казахстана к северу и преобладание русскоязычного населения на территории Северного Казахстана, хотя культурологически, географически и политически республика находилась в центре советской Азии [5, с. 3].

Своеобразное расположение Казахстана состоит в том, что республика оказалась на стыке трех регионов – Великой степи, Сибири

и Центральной Азии. Как отмечают политологи, Казахстан не является в полном смысле частью ни одного из них [7, с. 8].

Понятие «Центральная Азия» пока не укрепилось в западной литературе, поэтому нередко ее называют «Бывший Советский Юг (БСЮ)» [5, с. 3]. На региональной встрече лидеров республик в Ташкенте в январе 1993 г. было принято решение называть этот регион Центральной Азией [1, с. 27-28].

Центральная Азия (мы включаем в нее территории Казахстана и бывших среднеазиатских республик) занимает центр Евразийского континента, имеет огромную территорию – около 4 млн кв. км (18% пространства СНГ), где проживает свыше 60 млн человек (20% населения СНГ). Регион граничит с ведущими мировыми державами – Россией, Китаем, Индией и Ираном. Протяженность внешних границ республик Центральной Азии составляет более 20 тыс. км. Южная часть региона наиболее сложная для оценки геополитических процессов, и последние события показали, что она играет определяющую роль для стратегического равновесия не только в регионе, но и для всего континента и даже мира [3, с. 33].

Рассмотрим общие черты исторического пути, пройденного странами региона. Само положение Центральной Азии на стыке великих мировых цивилизаций предопределило ее уникальную роль в междивизиационном диалоге, в обмене культурными ценностями, в развитии человеческих обществ, народов, государств. Эту миссию регион выполнял веками и тысячелетиями, в его истории нашло отражение все многообразие этнических, культурных, конфессиональных процессов [9].

До XX в. ни одно из государств в том виде, что появилось на карте мира как независимое, не существовало. В регионе имелись локальные области, условно делимые по территориальному, цивилизационному и конфессиональному признакам.

Например, территория Казахстана может быть условно разделена на пять крупных регионов, отличающихся по хозяйственно-культурным характеристикам, – это Западный Казахстан (Западно-Казахстанская, Атырауская, Мангистауская и Актюбинская области), Северный Казахстан (Петропавловская, Акмолинская, Кокшетауская области), Южный Казахстан (Кзыл-Ординская, Жамбыльская и Южно-Казахстанская области), Юго-Восточный Казахстан (Алматинская область) и Восточный Казахстан (Восточно-Казахстанская область). Казахстанские аналитики признают тот факт, что «Казахстан – государство с очень рыхлым «ядровым» (центральным) пространством...» [4].

В основе исторической разобщенности населения Казахстана прослеживается история кочевников, состоящих из трех жузов: Большого, Среднего и Малого. Отличием одного жуза от другого стала хозяйственно-культурная специализация, формировавшаяся в трех частях страны – в Семиречье, Западном и Центральном (включая Северный и Восточный) Казахстане.

Эксперты отмечают фрагментарность национального состава населения Казахстана, определяющую нарастание внутренних этнических противоречий, основанных на национальном самосознании. Наиболее острые противоречия возникли внутри казахского этноса [2, с. 131].

Разделение пространства государственными границами, столкновение мировоззрений, сочетание нравственных и духовных ценностей, с одной стороны, и проявление мировоззренческой ограниченности, усиление националистических и религиозных догм, резкие изменения социально-политического состояния общества, темпы развития науки и техники, с другой, означают противоречивость процессов и культурных символов этой своеобразной исторической эпохи. Глубина этих процессов определяется тем, насколько в них выражена все полнота триады: история, сознание, духовность [8, с. 6].

Изучая особенности центральноазиатских государств через призму духовных ценностей и национального самосознания, необходимо отметить влияние регионально-клановых связей, которые в определенный момент даже сыграли положительную роль в процессе социализации и идентификации людей, особенно в советский период. Пропагандируемые тогда государственно-национальные ценности типа «советский народ» спокойно сосуществовали с кланово-трайбалистскими. По мнению Б. Румера, клановое и племенное сознание не только пережило, но даже стало более сильным в советскую эпоху. Укрепление и развитие трайбализма «...было естественной, спонтанной формой единства в условиях ассимиляционной политики, которую проводила Москва в попытке разделить национальную общность. Клановое единство и солидарность делали возможным духовное и материальное выживание в условиях советской модели» [4]. Из этого напрашивается следующий вывод: для центральноазиатских этносов огромное значение имело регионально-клановое разделение.

В Таджикистане до сих пор номинально выделяются три группы населения, в основу выделения лег географический принцип: северные таджики (ленинабадцы), центральные таджики (кулябцы, каратегинцы, гиссарцы) и южные таджики (памирцы). Такое условное

деление приводит к мысли, что гораздо большее влияние приобретает так называемый «оазисный патриотизм». Языковая принадлежность также определена, особенно если обратиться к жителям Горного Бадахшана, население которого использует восточноиранский диалект, отличный от таджикского языка.

Северный Таджикистан (вернее, Худжанд с прилегающими к нему территориями) был частью культурного массива в составе Ферганы. Именно в этой части долины в советский 70-летний период был относительно более высокий уровень промышленного развития, а вместе с ним образования и культуры. Южный Таджикистан отличался стойким консерватизмом, да к тому же эти земли были разделены на локальные субкультуры (каратегинскую, кулябскую и др.). Региональное деление на условные субкультуры ярко проявилось после развала Советского Союза, все острые внутригосударственные проблемы с присущими ему националистическими оттенками вышли на первый план и решить их пока не представляется возможным.

В Кыргызстане условное деление общества на северо-кыргызскую и южно-кыргызскую общности также составляет сложную проблему, так как на самом деле это более сложное переплетение, связанное с подразделением на исторически сложившиеся области: Чуйскую, Иссык-Кульскую, Таласскую, Ошскую, Нарынскую.

Традиционно кыргызская палитра представлена субэтнорегиональными взаимоотношениями внутри кыргызского этноса, восходящими к исторически сложившимся противоречиям между основными территориально-племенными общностями [4].

В Узбекистане эксперты также выделяют несколько культурных кланов. Так, одни специалисты по истории формирования узбекского этноса включают в этот список древних хорезмийцев, южных узбеков и население Ферганской долины. Другие специалисты выделяют как исторически сложившиеся кланы ферганский (даже наманганский, андижанский, ферганский), ташкентский, самаркандский, бухарский, хорезмский и суркаш (образованный на стыке Сурхандарьинской и Кашкардарьинской области), а также джизакский.

В Туркменистане разобщенность социума связана не с географией, а с исторически сложившимся племенным составом туркмен. Выделяются пять замкнутых субэтнических делений: теке, живущие в центральной части (Ашгабат), иомуды (емуды) в западной (современный Балканский велаят), салыри и сарыки в южных, граничащих с Афганистаном районах, эрсары вдоль среднего и верхнего течения р. Амударья (современный Лебапский велаят) и човдуры, живущие в Дашховузском и на севере Лебапского велаятов.

Как отмечают Д. Х. Жетписов и Т. С. Хабиев, «каждое племя-землячество говорит на общепонятном для всех туркмен языке, но имеет свой диалект, ассоциирует родину со своей территорией страны, но имеет регион основного расселения и, наряду с общей легендой о происхождении, свою легенду о происхождении и о своих героических персонах (шеджере)» [4].

Политические процессы, которые начались в регионе в начале 90-х годов XX в., не имеют аналогов в истории исследуемых государств, поскольку, как было отмечено выше, еще век назад таких государств не существовало. Однако у всех центральноазиатских республик накоплен исторический опыт в развитии национальной государственности, который многие начали использовать в период после обретения независимости.

На территории Узбекистана существовало государство Амира Темура и Темуридов; этот великий предок оставил нам драгоценное наследие.

Первый президент Туркменистана С. Ниязов заявил, что ведет родословную от Огуз-хана, впоследствии назвав себя «Туркменбаши» (то есть отец всех туркмен). Прославление именно Огуз-хана имело целью консолидировать туркмен в единую нацию.

Таджикистан обратился к наследию великого Исмаила Самани, который вошел в историю как вершитель государственного строительства эпохи Саманидов.

В Казахстане с целью преодоления разногласий между жузами обратились к истории правления Тауке-хана (хан трех казахских жузов в XVIII в.), когда казахское общество достигло наибольших успехов в процессе становления и развития централизованного государства.

Для преодоления разобщенности в Кыргызстане первый его президент А. Акаев приступил к разработке идеологии, центром которой должна была стать идея «Кыргызстан – наш общий дом». В 1993 г. эта концепция была выдвинута на обсуждение первым Курултаем народов Кыргызстана и принято решение о созыве народного парламента. В 1995 г. с большим размахом было отмечено 1000-летие эпоса «Манас». С целью преодоления условного деления на Север и Юг в 2000 г. город Ош получил статус второй столицы Кыргызстана, в которой разместилась южная резиденция главы государства.

Таким образом, на общественно-политическую сферу жизни региона оказывали влияние многие факторы, среди них необходимо выделить следующие:

1) расположение Центральной Азии на стыке мировых цивилизаций, что обусловило межцивилизационный диалог, обмен культурными ценностями (этнокультурный фактор);

2) противоречивые тенденции; с одной стороны - развитие нравственных ценностей, с другой - возрастание национальных и религиозных догм;

3) наличие в каждом государстве клановых связей, влияющих на политическую и экономическую жизнь;

Этим перечнем не ограничиваются факторы, оказывающие свое действительное влияние на формирование системы региональных отношений, однако именно духовные факторы, на наш взгляд, как нельзя более активно влияют на совершенствование межнациональных отношений, укрепление взаимопонимания и уважения к другим культурам и духовной сфере.

Литература

1. *Азимова Д. С.* Национальное, региональное и общечеловеческое в культуре народов Центральной Азии в условиях независимости: Автореф. дисс. ... докт. философ. наук. Ташкент, 2000. С. 27-28.
2. *Амрекулов Н.* Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. №3 (9). С.131-146.
3. *Жалилов А.* Исследование этнотерриториальных аспектов стабильности в Центральной Азии // *Xalqaro munosabatlar*. 2000. № 2 (8). С.33.
4. *Жетписов Д. Х., Хабиев Т. С.* Проблема складывания национальной государственности в Центральной Азии. <http://www.postsoviet.ru/>
5. *Klowson P.* Former Soviet and Muslim Word. P.3.
6. *Маврулов А. А.* Культура Узбекистана на современном этапе: общее состояние, проблемы, тенденции развития (середина 70-х – 1990 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1993. С.44.
7. *Маннопова О. С.* Политологическое изучение проблем регионального развития и безопасности в Центральной Азии в зарубежной русскоязычной литературе: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Ташкент, 2004. С.8.
8. *Муталлибов Р.* История и национальное самосознание в современной таджикской поэзии (на материале творчества

Л.Шерали): Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. – Худжанд, 2006. С.6.

9. Назаров Р. Р. Традиции межэтнического и межконфессионального диалога: на примере Центральной Азии. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/nazarov.htm?>

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕРВОГО ВУЗА АЛТАЯ С ОРГАНИЗАЦИЯМИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Тяпкин М. О., Барнаул (Россия)

Аннотация. В статье анализируется опыт совместной образовательной деятельности Алтайского государственного педагогического университета и высших учебных заведений Республики Узбекистан (Самаркандский государственный институт иностранных языков, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Бухарский государственный университет, Университет Маъмуна (г. Хива)).

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, Алтайский государственный педагогический университет, совместная образовательная программа, международное сотрудничество

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF COOPERATION OF THE FIRST ALTAI UNIVERSITY WITH HIGHER EDUCATION ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Тяпкин М. О., Barnaul (Russia)

Abstract. The article analyzes the experience of joint educational activities of the Altai State Pedagogical University and higher educational institutions of the Republic of Uzbekistan (Samarkand State Institute of Foreign Languages, Tashkent State Pedagogical University, Bukhara State University, Mamun University (Khiva)).

Keywords: Russia, Uzbekistan, Altai State Pedagogical University, joint educational program, international cooperation

В прошлом году Россия и страны Центральной Азии отметили 30-летний юбилей установления дипломатических отношений, что обусловлено прекращением существования СССР и приобретением бывшими союзными республиками статуса суверенных государств. На протяжении всех этих лет страны, относящиеся к